

УДК. 17.018.1:177.1

А. А. Шевченко

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ

В статье рассматривается основной парадокс социальной рациональности, связанный с уклонением от социальности. Утверждается, что основания (гражданского) согласия могут быть найдены не только с помощью общих символических форм или ценностей, но и посредством рациональной аргументации. В качестве иллюстрации используются некоторые теоретико-игровые модели.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданское согласие, игровая модель.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 08-03-00569а).

Плюрализм интересов и ценностных установок, характерный для гражданского общества, затрудняет достижение гражданского согласия. На практике основания такого согласия часто ищут в символических формах (например, пересматривая государственную символику) или в общих ценностях (например, стимулируя поиски объединяющей национальной идеи). При этом часто упускается из виду еще одна возможность, о которой могут и должны напоминать философы. Это обращение к разуму, рациональным основаниям кооперативного поведения, напоминание о том, что быть рациональным не только должно, но и выгодно. И выгодно, прежде всего, для реализации таких проектов и целей, которые могут быть достигнуты только совместными усилиями, на основе сотрудничества и, что очень важно, взаимного доверия.

Этих целей недостаточно добиться чисто процедурным путем, посредством рационального устройства общественных институтов, например, оптимальной системы сдержек и противовесов. Во многих классических либеральных концепциях дело представлялось таким образом, что одни только политические или экономические механизмы способны предотвратить злоупотребление частными интересами. И. Кант, например, как и многие классические либералы, полагал, что общественное устройство не может создаваться в расчете на ангелов, поэтому нужно, чтобы жизнь людей была организована таким образом, чтобы «...несмотря на столкновение их личных устремлений, последние настолько парализовали друг друга, чтобы в публичном поведении людей результат был таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений» [1]. Однако расчет на одни только институциональные решения оказался нереалистичным.

Одна из центральных задач – разработка новой философской антропологии, то есть такой системы представлений о человеке, которая бы позволила адекватно задать его роль и место как морального и политического субъекта в сложной системе социальных преобразований, происходящих как внутри страны, так и во

всем мире. По существу требуется формирование такой социокультурной и политической идентичности, которая бы давала возможность человеку не просто ориентироваться в быстро меняющейся обстановке, но и реально участвовать в принятии решений, касающихся как его самого, так и судеб других людей. Задача эта сложная, требующая опоры на национальные и культурные традиции, и учета специфики политической и исторической ситуации. В политической теории один из перспективных подходов видится в том, чтобы связать такой образ члена общества с его желаемой политической ролью. В последнее время воплощением такой роли все чаще становится гражданин, а долгосрочной целью всех образовательных и воспитательных усилий – формирование чувства гражданственности, воспитание гражданских добродетелей.

Если говорить о внутрифилософских, теоретических причинах «поворота к гражданину», то можно отметить, что обращение к идее гражданина, к гражданским добродетелям позволило в какой-то мере снять остроту спора между либералами и коммунитаристами по поводу того «социального атома», который лежит в основе их теоретических построений. Кроме того, акцент на гражданских добродетелях позволил исправить некоторый перекокс, возникший в связи с тем, что политический субъект современного либерального общества все чаще стал восприниматься преимущественно как носитель индивидуальных прав, имеющий очень ограниченное число обязанностей перед другими членами общества. В результате теоретического компромисса у абстрактного, идеализированного индивида сохранились такие традиционные либеральные атрибуты как свобода и автономия, дополненные представлениями о ценностях сообщества и необходимости совместной деятельности. «Гражданин», таким образом, – это один из вариантов заполнения ниши между индивидуальным и коллективным субъектом политики, позволяющий связать эти две формы политической субъектности.

Парадокс социальной рациональности имеет место тогда, когда люди в большинстве своем отказываются от взаимовыгодного сотрудничества. Такой отказ принимает самые разные формы – это и неучастие в субботнике по уборке двора, и отказ от участия в выборах, и уклонение от налогов. Если рассматривать проблему политического и гражданского (не)участия с точки зрения рационального субъекта, то считается, что абстрактный, идеализированный субъект принимает решения, подсчитывая издержки и выгоды и выбирая альтернативу с наибольшей ожидаемой «полезностью». Однако проблема как раз и заключается в том, что свободные и рациональные индивиды, полностью осознающие последствия своего участия или неучастия в совместных инициативах, издержки, связанные с таким участием, и выгоды от него, очень редко оказываются способными к совместной деятельности и производству коллективных благ. Как считается, объяснение этой кажущейся загадки заключается в том, что воспользоваться результатами совместной деятельности можно и не принимая в ней участия, вероятность же того, что именно твое индивидуальное участие (твой голос, добровольные взносы, время или налоги) окажутся решающими, очень мала. Следовательно, даже самые малые траты личных ресурсов на участие в совместной деятельности нерациональны.

Ясно, что такой вывод не может нас удовлетворить хотя бы потому, что в действительности все же находятся люди, которые, по всей видимости, как-то по-другому рассчитывают баланс издержек и выгод и участвуют в коллективных действиях, создании коллективных благ. Приходится либо отказывать таким людям в рациональности, либо объяснять изъяны чисто инструментальной, экономической модели рациональности, использование которой приводит к столь парадоксальным выводам.

Объяснение этого парадокса рациональности прежде всего требует отказа от понимания рациональности как максимизации индивидуальной выгоды. отождествление рациональности с максимизацией выгоды имеет корни в экономических представлениях о рациональности человеческого поведения, когда рациональным считается такое поведение, которое позволяет получить максимум желаемого при минимуме затрат. Однако анализ многочисленных теоретико-игровых парадоксов (таких как «дилемма заключенного») убедительно демонстрирует, что достижение оптимального результата возможно лишь в том случае, если люди стремятся реализовать не только индивидуальный, но и совместный интерес и, при этом, доверяют друг другу. Более того, стремление к реализации лишь собственного, эгоистического интереса, как правило, контрпродуктивно, так как приводит к заведомо неоптимальному результату.

Это не означает, что эгоисты должны стать альтруистами. Та же математическая теория игр показывает, что общество, состоящее из одних только альтруистов, то есть людей, предпочитающих чужие интересы собственным, также не является оптимальным. Достаточно вспомнить стандартный пример, в котором два последовательных альтруиста уступают друг другу дорогу. Оптимальным и рациональным является именно стремление к реализации совместного интереса, совместной выгоде, коллективному благу. В идеальном варианте такое стремление должно быть искренним и добровольным. Но одним из способов достижения совместного результата является обеспечение обязательности (явно или неявно) заключенных соглашений, то есть, попросту говоря, введение санкций за уклонение от сотрудничества.

Конечно, такие экономические концепции рациональности можно и нужно критиковать. В качестве предпосылок они включают социальный атомизм, приписывание нулевой или низкой значимости ценностям и моральным стимулам, игнорирование общественного мнения и других факторов, которые сложно оценить и выразить количественно. Понятно, что все эти явные или скрытые предпосылки уязвимы для критики.

Но есть ли альтернатива таким узко инструментальным, экономическим представлениям о рациональности? Наш общий тезис сводится к тому, что, вопреки классическим представлениям о рациональном поведении, представления о рациональности не могут и не должны сводиться лишь к инструментальной рациональности, то есть одному только поиску наиболее эффективных средств для достижения поставленных целей. Полноценная концепция человеческой рациональности нуждается в расширении, что требует преодоления некоторых устойчивых предрассудков и смещения акцентов – от рациональности действий к рациональности самих целей, а также рациональности эпистемического поведения

человека. Такое расширение представлений рациональности тесно связано с изменением представлений о сути современной демократии. Тогда как раньше демократия часто рассматривалась как некоторый аналог рынка, на котором действовали постулаты экономической рациональности, то сейчас все чаще обсуждается другая модель – «демократия как форум» [4].

Если в демократии, понимаемой как рынок, рациональным будет считаться поведение, направленное на максимально выгодную продажу или покупку голосов, в обмен на некоторые действия или обещания, то в модели демократии, выстраиваемой по образцу форума, рациональным будет такое поведение, в ходе которого люди пытаются убедить друг друга в правильности того или иного решения. И речь здесь идет не о софистике или риторике, а именно о рациональном процессе аргументации, который, в идеале, нацелен на поиск истины. Нацеленность на истину вытекает из необходимости решения известного парадокса, с которым сталкиваются законопослушные граждане. Ю. Хабермас описывает его примерно следующим образом: закон является обязывающим лишь для того человека, который либо сам его создал, либо согласился с ним. Однако проблема в том, что законы требуют согласия всех членов общества, при этом предполагается, что в современном демократическом обществе такое согласие в идеале должно быть свободным, а не вынужденным. Что делать, если согласие требуется от всех, а демократический законодатель издает свои законы, ориентируясь только на большинство? Ю. Хабермас отмечает, что и то, и другое, можно согласовать лишь при условии, что принцип большинства находится в некоей внутренней сопряженности с исканием истины [3].

Развитие представлений о демократии как о форуме получило развитие в концепции совещательной демократия. Эта концепция исходит из факта «неустранимого плюрализма» современного общества, из наличия несводимых друг к другу разнообразных моральных, философских, религиозных точек зрения, концепций блага. При этом политика понимается не просто как средство для реализации частных интересов, а как процесс коммуникации, посредством которого могут быть выражены и реализованы общие интересы. Стремление к общности позиции по важнейшим вопросам, стоящим перед обществом, делает уже недостаточной такую ценность как толерантность. В ситуации конфликтующих мнений и предпочтений, граждане выслушивают друг друга и представляют рациональные аргументы, открываются для критики. При этом рациональность предполагает кроме стандартных требований, предъявляемых к аргументации, еще и ограничение на определенные типы доводов. Так, например, недопустимы доводы, содержащиеся апелляцию к частным интересам.

Требования рационального публичного обоснования являются выражением морального мотива, а именно – желания вести себя в соответствии с принципами, которые могут быть обоснованы самому себе и другим беспристрастным образом. Требования публичного обоснования иногда связываются с понятием автономии: «Показать людям, что у них есть достаточные основания принять (такую систему) – это максимум того, чего мы можем добиться для того, чтобы сделать недобровольное участие добровольным» [2]. Кроме того, требования обоснования

могут являться выражением идеала «правления закона». В сильной форме выражает это Ю. Хабермас, который выводит легитимность закона непосредственно из процедуры дискурсивного обоснования. «На пост-традиционном уровне обоснования, как мы бы сегодня сказали, единственный закон, который считается легитимным – это такой, который мог бы быть рационально принят всеми гражданами в дискурсивном процессе формирования мнения и воли» [5].

Цель публичного обоснования заключается в устранении конфликтов или достижении консенсуса в некотором публичном пространстве, чаще всего понимаемом как дискурсивное. Переход к понятию дискурса был вызван разочарованием в идее предельного основания как средстве решения всех разногласий, как моральных, так и политических. Роль дискурса заключается в обосновании политических и социальных практик. В основе лежит идея морального сообщества, члены которого – моральные и рациональные индивиды, которых должна и может убедить лишь аргументация, ведущаяся с «моральной точки зрения», то есть беспристрастная и универсальная. Но требования к рациональному гражданину современного демократического общества не ограничиваются необходимостью соблюдать лишь нормы инструментальной или дискурсивной рациональности. Полноценная гражданская добродетель должна включать также и эпистемическую рациональность, такие формы эпистемической активности гражданина как поиск релевантной информации, открытость аргументации, готовность принять во внимание альтернативные точки зрения, учёт не только краткосрочных, но и долгосрочных интересов, а также действия субъекта по расширению базы обоснования верований.

Таким образом, представляется, что на проблематику гражданского согласия вполне может быть распространена аргументация, которая используется при обсуждении парадоксов коллективной рациональности. Основные парадоксы такого рода известны из теории игр. Такие «игры» как «дилемма заключенного» демонстрируют, что достижение оптимального результата возможно лишь на основе рационального согласия, основанного на доверии к партнеру. Поскольку эти игры представляют собой описание взаимодействия нескольких участников, имеющих противоположные, часто конфликтующие интересы, то механизмы достижения согласия безусловно представляют интерес и для анализа более общих случаев социального взаимодействия. Эти модели демонстрируют, что достижение общих целей невозможно без существенного пересмотра представлений об инструментальной рациональности.

Список литературы

1. Кант, И. Сочинения / И. Кант. – М., 1966. – Т. 6. – С. 285-286.
2. Nagel, T. Equality and Partiality / T. Nagel. – N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1991. – P. 36.
3. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М.: Наука, 1992. – С. 36-37.

-
4. Elster, J. The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory / J. Elster // Contemporary Political Philosophy. Blackwell Publishers, 1997. – P. 128-142.
  5. Habermas, J. Between Facts and Norms / J. Habermas – Cambridge, MA: The MIT Press, 1996. – P. 135.

Шевченко О.А. Раціональні засади громадянської згоди

У статті розглядається основний парадокс соціальної раціональності, що пов'язаний з ухилянням від співробітництва. Стверджується, що засади (громадянської) згоди можуть бути знайдені не лише з допомогою спільних символічних форм або цінностей, але й на шляху раціональної аргументації. В якості ілюстрації використані певні теоретико-ігрові моделі.

Ключові слова: інтегреси, раціональність, кооперація, теорія ігор.

Shevchenko A. Rational Foundations of Civic Consent

The article focuses on the main paradox of social rationality related to the refusal to cooperate. It is argued that the foundations of (civic) consent can be found not only with the help of shared symbolic forms or values but also with the help of rational argumentation. To illustrate this, the author draws on some examples from game theory.

Keywords: civil society, civil agreement, first model.

Поступило в редакцію 26.05.2008